Каледин С.

30.XII-90

19.

ЛЮБИ-И-ИТЕ!

Моск. комсомолец - 1990 - 30 дек.

...МОЛНИЕЙ БЛЕСНУВШУЮ в мае 87-го повесть «Смиренное кладбище» рецензенты тут же занесли в разряд «завоеваний гласности», а успех ее объяснили жареной темой и чернухой. А когда в 89-м, после полугодовой борьбы с цензурой в погонах, тот же «Новый мир» и радио «Свобода» опубликовали другую повесть Каледина — «Стройбат», критики и критикессы радостно убедились в своей правоте — опять чернуха, опять острый сюжет (дедовщина), ставим штампик — «физиологический очерк». Пожалуй, лишь Анатолий Стреляный замолвил словечко: «Стройбат» — подлинное произведение искусства...».

— Но теперь-то, Сергей Евгеньевич, новой повестью «Поп и работник» вы утрете нос близоруким ценителям?

— Бедовые критики не читали еще мой «Коридор» (издание отдельное, тираж невелик) — роман, посвященный современным Акакиям Акакиевичам, посадско-слободскому люду, мещанам средней руки. Для меня писать о них — самое дорогое и любимое. А критики прочли у меня то, что хотели и искали — экстравагантности: про рытье могил, про кладбищенскую мафию да про то, как стройбатовцы на плацу мордобойствуют...

А «Поп и работник» * — это Подмосковье, деревенская церковь, русские люди. Туда всунуто все, что я знаю об этой России, — о неброской, неэкзотической: прихожане, бабки-старухи, — все, что я насобирал по крупицам за полгода работы истопником в храме.

— Извините, а креста на вас нет?

— Нет, к сожалению, и, видимо, уже не будет. Одно дело, когда крестят бессознательно — голого, крохотного, орущего. Другое — толстый, лысый дядька, на пятом десятке, стоит перед купелью... Не желаю терять самодеятельность. Наша православная ортодоксия требует весьма серьезного подчинения. И если бы я стал истым прихожанином, со своим исповедником, со своими уставными обязанностями, то лишился бы непредвзятого взгляда на религию и на церковь.

Писателю же не следует состоять ни в какой организации, не быть приписану ни к какому ведомству. Каждый должен жить сам по себе, и чем неуютнее и одиночее будет ему в этом мире, тем большая вероятность, что из-под его пера выйдет нечто стоящее. При наличии, разумеется, писательского профсоюза, что заботился бы о материальной стороне нашего бытия.

Задача писателя — показать то, чему он свидетель и что его заботит, что люди не видели или видели да не увидели, или ярче изобразить нечто привычное, — и только! Все мои книги, к примеру, написаны без цели, низачем, это — итог графоманского зуда, комплекса неполноценности и сломанной спины — мне не осталось ничего иного, как сесть за «пишмашку». Когда же литератор провозглашает себя умником-философом, политиком и даже пророком, ретранслятором Божьего гласа, то кончается сие чаще всего печально. А уж результаты оценивает читатель: если талантливо — большой резонанс, — на душу действует, на воображение, на слезу; если бездарно — никак.

— Бывший истопник в том году путешествовал по Европе. Не так ли? Ностальгия не возникала?

— Было спокойное чувство, без трагических ноток: хотелось и поездить (я и поездил), хотелось, вернее, скучалось, по дому, по друзьям, по деревенским бабкам... Но за моей спиной не была заперта дверь — я знал, что вернусь.

И, потом, было чувство разродившегося — написана повесть. Я так боялся, что она не выйдет, что изменится ситуация, писалка испишется, концы с концами не сведу... И, Бог мой, получилось! Конечно, судить читателю, но для себя я знаю — дело сделано, все закольцовано в трилогию — «Кладбище», «Стройбат», «Поп и работник». Выше этой планки мне пока не прыгнуть (а может, вообще никогда). И теперь хоть кирпич на голову — наплевать! Дело сделано, а значит, есть и право, и время на гулянки и прогулки по парижам, римам и мюнхенам...

— Вы странствуете, где угодно, ваши повести — бестселлеры, даже Запад их покупает. Следовательно: деньги, независимость, свобода... Вам об эту пору, в смутные времена, как у Христа за пазухой?

— Нет. Скажу честно: не комфортно. Это — не кокетство, это меня душит, но при том не призывает к раздаче моих малых сбережений страждущему человечеству и уходу в бега по-толстовски, — я понимаю, что это акт идиотизма. Каждый делает то, к чему душа лежит.

— И да блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые?

— Блажен, разумеется. Это биография страны, а значит, и биография писателя. А что же нам еще делать, как не посещать мир в эти роковые, шаткие, лихие годины, а затем об этом писать (если получится)? Вот в Швейцарию или Люксембург роковые минуты не заглядывают — так там и не пишут ни черта. Так что в какой-то мере налицо страшный парадокс: зависимость художника от ублюдочности ситуации — чем хуже обстановка, тем лучше литература. Разумеется, если только не бьют по башке, не сажают в кондей или дурдом.

— И Горбачев — блажен, раз тоже посетил сей мир?.. За что он, кстати, награжден Нобелевской премией, по-вашему?

— Я уверен, что конная статуя на Трафальгарской площади ему уже отлита, ибо он развалил мировую коммунистическую империю. Монумент ему гарантирован.

Горбачев спас Запад от угрозы советского атомного нашествия, от расползания красных режимов по всей планете — Запад вздохнул спокойно, и за это (на самом деле тамошним президентам на нас — начхать, своих дел до черта), только за это они ему все простят, каких бы дров он ни наломал; дадут харчей, одноразовых шприцев и многоразовых презервативов; удостоят и Нобелевской, и Иосип-Брозтитовской, и премии имени Джавахарлала Неру. За то, что коммунизм... приказал долго жить.

— А может, Горбачев этого и не хотел?

— Да, он, надо полагать, о результатах своей деятельности и не подозревал. Их трудно было прогнозировать.

— Писатель Александр Терехов опасается, что с кончиной коммунизма станут кончать и коммунистов...

— Расстрелов не будет (отстрел — вообще непродуктивен, нецелесообразен, невыгоден). Погромы — возможно (упаси Бог), «мужицкий бунт ужасен» — не мною сказано. А планомерное побиение коммунистов?.. Да вряд ли.

— А вы их (между нами) не обнадеживаете? Через газету?

— Куда там! Вот, скажем, распадется Союз писателей и появится (по крайней мере) девять или восемь тысяч ртов. Мне говорят друзья, битые годами застоя: «Ну и шут с ними, пускай дохнут!». Нет, отвечаю я, надо им пособие платить, пропади они пропадом. Нельзя из них создавать криминогенный контингент, пятую колонну. Если я не буду своей рукой свои же деньги отдавать на содержание своего же врага, стервеца, — он оголодует, озлобится, возьмет кистень и пойдет убивать мою жену, дочь или сына. Отчего в Швеции или в Дании пьяниц и наркоманов считают за больных и к ним на дом приходит патронажная сестра — готовить суп? Шведы глупые? Нет, не глупые, они знают: иначе нельзя, не давать им — опаснее, нежели дать. И вот государство подкармливает нахлебников; и паразиты вымирают потихоньку, страна оздоровляется.

Нам же при нашей нищете придется содержать **орду** паразитов — делать нечего! Иначе будет орда разбойников и лихоманов. Короче, следует всех кузьмичей-ильичей льгот лишить, а талоны на харч, на одежу, на табак — давать, как у Галича: «А мне четвертого — перевод и двадцать первого — перевод».

— СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, что для вас счастье, что — несчастье?

— ...О счастье представление есть, но только весьма приземленное. Физиологически ощущаю счастье, когда удается то, что хотел. Это может быть здорово сочиненная по-о-овесть, а может — удачно положенный кафель в... сортире. Вздор, что счастье — всегда на некоей возвышенности, его можно отыскать и возле унитаза.

Наверное, Ленин тоже был счастлив, когда удался большевистский переворот. И Иван Денисович в «Одном дне Ивана Денисовича» был счастлив, когда строил сам себе тюрьму — он радовался ладной кирпичной кладке. Глядел и улыбался — потому-то и выжил.

Несчастье — это попроще: смерть близкого, раздавленная на твоих глазах собака, недуг... Но даже потеря близкого — забывается, заживает, а вот потеря таланта, собственного дарования — это беда страшная, и оканчивается бедой же — смертью моментальной (самоубийством) либо затянувшейся на годы и десятилетия. Как говорит мой друг, бывший десантник-парашютист, не всегда разбиваются до смерти, иногда — до самой смерти. От такого несчастья погибли Маяковский, Есенин, Лермонтов, Пушкин...

— Раз зашла речь об «Иване Денисовиче», то какого вы мнения о его авторе? Как о человеке?

— Это — герой, это — легенда. Личность! Это человек, нахождение которого рядом наводит на тебя некие токи, придает силу и мужество, человеческая порода вокруг него улучшается, обеззараживается.

— Как о писателе?

— «Иван Денисович», «Матрёнин двор», «Кречетовка» — это хрестоматия. ...Когда вышел «Иван Денисович», я учился в седьмом классе. Никогда не забуду: стоят у школы две колченоги старухи-уборщицы, одна — другой:

«Чтоб в понедельник принесла «Денисыча»! Мой Колька спрашивает». О подобной славе можно только мечтать.

Касательно «Архипелага ГУЛАГа». Он должен быть введен в школах, ПТУ, детсадах как обязательное чтение, даже через не хочу. «Архипелаг» должен стоять рядом с Библией в каждом доме. Не будем бередить, растравлять старые раны?! Эту рану надо теребить всю жизнь! Еженедельно, по пятницам, после вечернего чая, или по понедельникам, до чая, «ковырять» эту язву, чтоб она вечно, постоянно кровоточила. Ее следует читать малым детям, пенсионерам, элегантным девушкам — всем, чтобы никогда-никогда не забывалось. «Архипелаг ГУЛАГ» и книгой не назовешь, если только не вспомнить, что «книгой» переводится слово «Библия».

— Как о политике, идеологе?

— Какой бы ни был ум, дар, провидение, интуиция — против лома нет приема, нас разделяют континенты. Невозможно оценивать действия человека, которого семнадцать лет не видишь, не ощущаешь рядом. У него слишком великие достоинства, чтобы зацикливаться на недостатках. Пусть этим занимаются другие.

— А ведь сотворять земных кумиров — нехорошо?..

— ...Да, нехорошо, согласен. А я-то склонен к этому, и, к сожалению, в человеческой природе заложено стремление кого-то возносить... А нужно-то всего-навсего любить и уважать. Помните, каков рефрен Христовых проповедей? Люби-и-ите! Любите Отца моего. Любите Меня, любите друг друга. Но поклоняться — не надо, не надо фанатических бормотаний, исступленного стучания лбом о половицы. Нельзя в человеке, даже в самом паршивом, угнетать его творческую потенцию — непродуктивно. Иначе скукожится человек, его разум, и нация отомрет.

— И вы воспротивитесь культу Каледина, ежели таковой родится?

— Я не стал бы ему споспешествовать, но и разрушать — тоже. Все делается само собой. И слава, то есть гипертрофированная популярность, улучшает природу творца, подпитывает его. Слава: значит, я не графоман, слава: значит, я нужен, близок множеству людей, мне неизвестных. Я, может быть, поленился бы, пошел бы пива попить, а так — нет, лучше-ка еще попишу. Хорошая штука, необходимая.

А когда славы нет — страшно, мрак, одиночное катание в темноте. Требуется все время знать, что тебя читают, постоянно общаться с аудиторией, чувствовать невидимые токи: я — к читателю, читатель — ко мне. Так мы друг дружку перекрестно опыляем. Не дай Бог, если нет читателя — трагическая судьба.

— Один главный редактор толстого журнала посетовал, что ежедневно принимает авторов, которые сами идут впереди своей рукописи, грудью стараются проложить ей дорогу, а ведь рукопись не дитя, талантливой книге сегодня все рады. Вы, Сергей Евгеньевич, как раз из «пробивных»...

— Под лежач камень вода не течет! Рукописи прекрасно горят и тонут, их авторам ломают жизнь, люди вешаются, спиваются, уезжают...

Я, как недоумок, десять лет ходил по всем редакциям Советского Союза. Меня уже принимали за городского сумасшедшего, хихикали: «О! опять...». едва показывалась моя бородатая рожа. Следовало опустить руки? Нетушки! Ходил, шастал, докучал, всем плешь проел. (Правда, что весьма важно, все эти годы меня морально и материально поддерживала мама).

Так что надо, надо бить лапками в этой «сметане», как та лягушка, что угодила в полный кувшин; и не слушать высокомерные назидания литературных мэтров, призывающих быть скромнее, ибо талантливые рукописи сами-де найдут дорогу и будут опубликованы. Будут!.. Посмертно.

Беседу вел
Юрий ЗАЙНАШЕВ.

P. S. Тут читатель отложит газету, зевнет даже — писатель-балагур... новогодие...

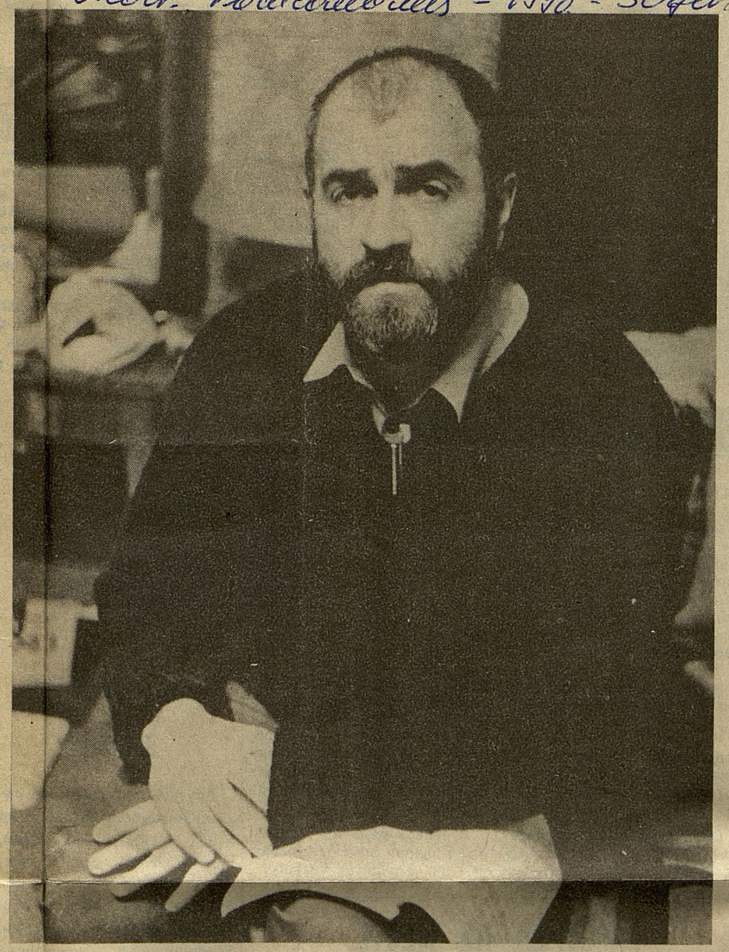
Но:

— Акт беззакония и вообще действие, ненавистное мне по существу, — так я расцениваю арест моего коллеги Шерали Нурмурадова. Член Союза писателей, поэт, драматург, переводчик, отсидевший уже 8 лет при Брежневе, активист туркменского народного фронта, Шерали Нурмурадов ехал на съезд НФ, в Ригу, когда его сняли с поезда в городе Чарджоу и 30 ноября «всунули» семь лет лагерей усиленного режима. Тогда же, дабы было меньше «вони» и сора из избы, арестовали его адвоката и тамошнего корреспондента «Московских новостей», правда, ненадолго...

В чем дело? Дело в том, что Шерали позволил себе публично критиковать, «даже» пародировать и «даже» сочинять эпиграммы на первого секретаря туркменской компартии Сапармурада Ниязова, ставшего недавно на безальтернативных выборах еще и Президентом Туркмении (и теперь он сидит в президиуме Съезда депутатов СССР). А т. Ниязов в свою очередь «позволил» себе лично и прилюдно пообещать Шерали: «Я тебя сгною!». Долго голову не ломали — инкриминировали шантаж и вымогательство 65 тысяч у какой-то бабы. Никаких документов, расписок и тому подобного! Все обвинение выстроено на свидетельских показаниях и написано рукой «похмельного пионера» — на таком юридическом уровне.

Я уверен, что Нурмурадов будет в конце концов оправдан, однако у восточных тюрем странные традиции: поэты-вольнодумцы там, бывает, мрут с голоду, их по пьянке приканчивают сокамерники или «совершенно случайно» кусают фаланги и скорпионы. Бедолагу Шерали надо вызволять как можно скорее!

Ю. З.



Писатель Сергей КАЛЕДИН:
«Хочу жить одиноко»

---

* [illegible] на автором по радио «Свобода» [illegible] в № 4 «Нового мира» за 91-й год.